

ЦЕЛОМУДРИЕ: счастье или несчастье?

Николай Спицын,
доцент Пермского государственного
педагогического университета

Они не демонстрировали свои отношения влюблённых, не целовались откровенно и вызывающе у всех на виду, как это сегодня принято: всё напоказ, никакой интимности, как в рекламе. И меня, под напором нынешней «моды», честно говоря, даже разочаровало их поведение. Подумалось: не вестник ли это равнодушия друг к другу? А ещё такая пара — не разлей вода, всюду вместе: и на лекциях, и в студенческой библиотеке...

Так бы я и остался с мнением о том, что между обаятельной студенткой и скромным парнем не любовь — возвышенная и красивая, о которой пишут поэты, а простая дружба. Хотя и это — чем плохо? Но однажды из открытого окна аудитории первого этажа, через разноцветье осенних кустарников, услышал:

— Ненаглядная ты моя! Любимая...
— Т-с-с! Нас услышат. Смотри, окно открыто...

Это были они.

Не знаю почему, но мне стало так радостно на душе, будто я сделал величайшее открытие: ещё есть же, существует и сегодня такая чистая, скромная и совестливая любовь, которая не обнажается, не кричит во весь голос: «Смотрите, как мы любим друг друга!».

На пятом курсе в моей преподавательской книжке эти молодые люди были уже под одной фамилией. Однокурсники им завидовали: «Повезло ребятам! И с учёбой у них всё ладно, и супружеское счастье не обошло».

А через полгода молодые супруги защищали дипломные работы. Не всё у неё получилось, были замечания членов комиссии. И хотя оценку она получила «отлично», но, выйдя в коридор, заплакала. Он оказался рядом.

— Не плачь, не надо, — успокаивал он, ласково глядя её по голове. — Всё будет хорошо. Ты у меня такая умная, — он достал платок и вытер ей слёзы.

Мягкая улыбка осветила её лицо.

Вот так, я думаю, и творится настоящая любовь — как следствие поддержки, нежнейшей заботы и участия сердца и души. Тогда почему же я удивляюсь, как чуду, естественным проявлениям человеческих чувств?

Готовы ли мы расстаться с вечными ценностями?

«Ну вот, опять о любви, — кто-то заметит. — Она давно уже не такая, и называется сегодня сексом». Но не все же сошли с ума, чтобы запросто подменять самое великое чувство

на земле физиологией секса. Любовь — она потому и любовь, что свидетельствует об избранности, неповторимости каждого из нас.

И как же мне, педагогу, не говорить сегодня с большой тревогой о том, что, изгоняя из мира и сердца любовь, человек порывает с *Вечным* в себе и мире, превращается в биологический вид, способный к размножению, но утрачивающий способность к нравственному совершенствованию?

Давайте обратимся к реальной жизни, к тем обстоятельствам, которые либо делают, либо не делают личность человека человеческой. Взглянем на нашу с вами жизнь — с её новыми удовольствиями, новым стилем отношений.

Женщины, как сложные натуры, реагируют на эти перемены наиболее остро. Известный русский доктор и педагог Н.И. Пирогов называл женщин «главными зодчими общества», пытаясь обратить внимание сограждан на воспитание женщины, в которой «заключается воспитание всего человечества».

«К чёрту любовь, она мешает нам жить»

Но видим ли мы сегодня примеры воспитания девочек, девушек в духе отечественной культуры и классических идеалов? Речь идёт не о женщинах вообще, а о тех юных девушках, которым по природе своей предстоит стать женщинами, матерями. А ведь многие из юных современниц разительно не похожи на девушку-студентку, о которой речь шла выше! Увы, они утрачивают черты нравственного облика чистых, великих терпеливиц и тружениц — своих бабушек. Женственность, мягкость, нежность, скромность сейчас в большом дефиците, а целомудрие, недоступность девушки воспринимаются сегодня в молодёжной среде как негативные, ущербные черты женского характера. Что это, если не свидетельство

социального и нравственного неблагополучия в обществе? Самое страшное — юные верят не себе, не своему внутреннему голосу, а чьей-то дьявольской подделке, что есть иная мораль, иные идеалы, лёгкая жизнь, в которой не нужны будут ни способности к материнству, ни преданность, ни женственность, ни дар любви.

Впрочем, вдумайтесь в слова: «К чёрту любовь, она мешает нам жить». Это говорят не обозлённые на весь мир несчастные и одинокие женщины, а юные студентки, у которых всё впереди: и материнство, и любовь. Кто им навязал такие мысли? Я не настолько наивен, чтобы во всём обвинять семью. Но и она причастна к появлению носителей «новой морали». Ведь как ни крути, а именно в семье «начинается посев добра и зла».

Родители решили: дочь должна иметь всё

Если верить поэту, то ребёнок растёт ночью. Следуя этой логике, характер, привычки, нравственные ценности формируются днём, когда глаза широко открыты навстречу жизни, когда он ловит каждое слово мамы и папы.

Так и было с дочкой моих знакомых Аней, когда она была маленькой. Не скажу, что сразу, вдруг (у дочери с родителями и раньше не было хороших эмоциональных отношений), но в пятнадцать лет всё резко изменилось в худшую сторону. Она стала неровно учиться, у неё появилось желание броско одеваться, потянуло к красивым модным вещам. И родители решили: дочь должна иметь всё. Они старались заработать для неё деньги, а дочь оставалась одинокой. А одиночество, как правило, влечёт к сближению с компанией, в которой не у всех хорошая репутация. И вот результат: Аня стала куда-то уходить, возвращалась поздно. Родители

сердились, но не останавливали её, хотя и видели, что у дочери появились новые привычки — страсть к удовольствиям. Вот тут бы им и забить тревогу, задушевно, терпеливо, с любовью поговорить с дочкой, поменять её интересы и увлечения, направить их в нужное русло и, что особенно важно, *пробудить чувство ответственности за себя*. Но поступили они не так. Однажды, когда дочь вернулась домой за полночь, обдав родителей сигаретным запахом, они не выдержали. Отец схватился за ремень, а мать с криком «Ты невыносимая, гулящая!» схватила её за волосы.

Вырвавшись из цепких рук матери, Аня дерзко бросила:

— Да, гулящая! Это моя жизнь! Вы меня одеваете «с иголочки». А зачем? Чтоб я нравилась мальчикам? Но я им нужна не шмотками и не для любви, а... Сегодня любовь «свободная»!

— Боже! И это говорит наша дочь! — ужаснулась мать. — Отец, ты слышишь?.. Мы, оказывается, виноваты, что ничего не жалели для неё!

Горько и страшно. И посочувствовать бы надо родителям. Но о чём они думали раньше, материально поддерживая вкус дочери к нездоровым интересам молодёжной среды: дискам, золотым серёжкам, суперджинсам, танцам, мальчикам...

Не было у родителей духовных контактов с дочерью, без чего немислимо воспитание. Делали всё не так — ставили на первое место не нравственные ценности, а заботу о её материальном благополучии.

«Хочу детей, мечтаю о счастье семейном»

Мне могут возразить: у современных девушек есть учителя, которые могут исправить просчёты семьи.

Согласен, учитель в силу своей профессии мог бы разглядеть, что творится с той или иной ученицей. Но на то нужны время, талант, спо-

собности «отыскать ключ к сердцу» воспитанниц, коих у него десятки. Так сколько же он должен потратить чувств, какую щедрую душу иметь? Да и много ли таких учителей? Мало. Но те, которые есть, — на какие идеалы они должны опираться в воспитании? На какой кодекс нравственности ориентироваться, когда его, как такового, в стране не существует?

Известно, что в вузы поступают не худшие девушки. Но всегда ли они становятся в студенческие годы лучше, нравственнее, женственнее, трудолюбивее, если ещё учесть, что в вузе они психологически раскрепощаются, а требовательность, которая существовала в школе, резко снижается? Появляется ощущение свободы. Делай всё, что хочешь: пропуская занятия, кури, приходи полуголой — всё дозволено. Как не расслабиться при такой свободе! О каком уж тут воспитании скромности, женственности, свободе в рамках нравственных норм можно говорить! Беда в том, что и воспитывать-то некому, так как задача вуза — формирование интереса к профессии. Были когда-то кураторы групп, но они исчезли.

Много лет я читаю студентам спецкурс «Семьеведение». Слушательницы в большинстве приветливые, скромные. Кто в джинсах, кто в меру коротких юбках. Наблюдаю и радуюсь: курс им нравится, воспринимают серьёзно, с интересом, как говорится — «для жизни». Но есть среди слушательниц и такие, кто приходит на лекции по неведомым мне соображениям. Их легко узнать по показной «опытности в делах семейных», но главное — по лицам, в которых отсутствует юная свежесть.

Однажды я и решил собрать их отдельно и поговорить. Нет, я не читал им мораль, не призывал стать нравственнее, а применил макаренковский способ эмоциональной «встряски».

«Милые девушки, — сказал я. — Посмотрите на себя со стороны. Увидите себя красивыми лицом и телом — природа вас не обидела. А теперь загляните в свою душу, спросите себя и честно ответьте, что вами движет, что больше волнует — стремление к удовольствиям? Или вы тоскуете о любви, хотите личного счастья? Но оно испокон веков требует труда души и духовной работы».

Девушки не ожидали такого разговора, вид у них был растерянный. Скажу откровенно, я не рассчитывал на немедленный результат.

Через год я получил письмо от одной из этих девушек: «Поверите ли, но я до сих пор помню ваши слова. Они затронули в моей душе самое сокровенное. Вы были тогда правы: я хотела и сейчас хочу встретить человека, который полюбит меня, а я люблю его. Хочу детей, мечтаю о счастье семейном»...

Какой же вывод напрашивается? Пусть пока у одной (а может, и у других таких «собеседниц») сохранилась потребность и в возвышенной любви, и в желании семейного счастья. Вернуть девушкам эту потребность ещё не поздно. Это мы, воспитатели, можем и должны, вопреки влиянию всяких «кумиров» и глобалистских СМИ, «встать горой» против растления юных душ.

Студенты — читающий и смотрящий народ

Вспоминаю легенду о пифагорейцах. Им был задан вопрос, как лучше воспитать сына. Был ответ: «родить его в благозаконном государстве». Коротко и мудро. Любая страна, если она озабочена воспитанием молодого поколения, стремится привить ему высокую культуру, духовность, образованность. Да, семья и школа как ячейки общества несут ответственность за воспитание детей. Но ни первая, ни вторая не вредят, тем более сознательно, в становлении лич-

ности так, как окружающее бескультурье и особенно средства массовой информации. Студенты — читающий и смотрящий народ. Но что чаще они читают? То, что «на виду», что лежит на подоконниках университетских корпусов — красочно оформленные, бесплатные бульварные газеты и журналы. А о чём там пишут? О пошлом и мелком, о красивой жизни и пикантных историях эстрадных певичек, их однодневной «любви», о прокладках с крылышками. Так где им учиться любви? У рекламы, формирующей чисто потребительское мышление? Или у телевидения, перенасыщенного сценами насилия, секса, всякой другой непристойностью?

Без них не обходится ни один американский фильм. Чего стоят только их названия: «Секс в большом городе», «Отдай мне эту ночь» и масса других. Вокруг бушует пропаганда безопасного секса, внушающая юным, не искушённым в жизни, что они могут дать свободу своим влечениям без всяких неприятных последствий.

Студенческая молодёжь ещё не в полной мере способна отделить зёрна от шелухи, настоящую, высокую любовь как источник радости в человеческих отношениях от объятий и поцелуев без чувств. Как тут нужны веские критерии! Но их нет. Вот девушки и копируют западные образы, в которых идеализируется примитивная сексуальность. Телевизионные передачи, реклама как бы уверяют юных: не верьте сказкам о любви.

Юность легко увлекается тем, что бросается в глаза, что ошеломляет, что эффектно. И это понятно. Жизненный опыт молодёжи настолько мал, что зачастую красота и яркость телевизионных «картинок» воспринимаются как реальное проживание жизни героями бесчисленных сериалов... Ах, как заманчиво в компании так называемой «золотой молодёжи» выпить бокал дорогого вина, выкурить сигарету за разговорами о том,

что в мире, кроме наслаждений, ничего не осталось.

Большинству студенток такая жизнь не «грозит», это иллюзия, которой не сбыться. Но она воздействует на души юных, развращает их, формирует ложные ценности, становится идеалом для нестойких. На автобусной остановке я часто вижу симпатичную девушку в обнимку с разными юношами. И с каждым она целуется на виду у всех. «Неприлично ведь так... Нескромно», — тихо, чтоб никто не слышал, заметил ей. Девушка, сверкнув глазами, язвительно ответила: «А вы не смотрите. Вредно смотреть на чужую любовь»...

Вот такое представление о любви!

С человеческой точки зрения мне её жаль. Ведь не сама же она пришла к такому представлению о высоком чувстве. Ей, как и многим, помогли «проповедники» свободы от нравственности, совести, чести. Под напором носителей «новой морали» среди нашей молодёжи расцветает распущенность, ставшая нормой поведения.

Да, человека формирует время. Время тургеневских барышень миновало. Но сей исторический факт не снимает с нас ответственности за соблюдение элементарных нравственных норм.

**«Мы будем расшатывать...
поколение за поколением...»**

Только не подумайте, что все девушки «плохие» и живут с повреждёнными нравами. Упаси и сохрани! Я ежедневно вижу в аудиториях гармоничных, красивых и умных студенток, которым свойственна природная нравственность, а потребность в любви для них — естественное состояние. Но много среди студенток и тех, кто зомбирован массовой культурой. Они — наша боль и от них надо не защищаться, не проходить мимо, закрывая глаза на факт их существования, а спасать их души. Боль и трагедия наших дней в том, что объектом *разрушительного воздействия на сознание* становятся именно чистые, юные души — наши

дочери и внуки. Вот послушайте: «Женщина-дева и женщина-мать: вот та неприступная крепость человечества, которую имейте постоянно в виду и ловко, осторожно направляйте в неё свои удары внушения... необходимо сначала постепенно и очень осторожно внушать ей извращение идей женственности, материнства, целомудрия, нежной грации и любви». Это из брошюры «Тайна беззакония. Два открытия 1909 года».

Обратите внимание: в цитате речь идёт о русской молодёжи.

Но вернёмся к тому, с чего я начал. Так вот, представим, что не каждая девушка, находясь под напором извращённых представлений о нравственности, готова к порывам любви. Оно и понятно. Когда любишь, приходится тратить энергию души и сердца, заставлять душу трудиться, а иногда и страдать. Помните, у Шекспира: «Страданья всегда необходимы». Но у наших юных современниц и эту возможность отбирают. А это для них несчастье.

Как разбудить тревогу девушек за самих себя? Поэтому спрашиваю: а быть любимой им хочется? Да, на это они согласны. Но тут вдруг голоса юношей: «А за что их любить-то? Вы посмотрите на них — это ведь не девушки, это нечто среднее, «оно» какое-то!».

Присмотримся: вот они стоят кучками у входа в университеты и у всех во рту сигареты. «Весь их вид, — пишет И.В. Бестужев-Лада, — как бы произносит неслышимо монолог: да, я бывший слабый пол, но не подумайте, что я какая-нибудь субтильная гимназистка, томная... нет, я женщина эмансипированная, я тридцать лет вела войну за право появляться в брюках, а не только в юбке — и почти победила, я всё смогу «на равных» — и закурить, и выпить, и выругаться»...

Так могут ли такие раскрепощённые, эмансипированные девушки вызывать у ребят одобрение и восхищение собой?

Чем же вы, милые девушки, собираетесь очаровывать юношей?

В такой ситуации закономерно встаёт вопрос: чем же вы, милые девушки, собираетесь очаровывать юношей, привлекать их интерес к себе? Уж не «модной» ли одеждой? Но что в ней может порадовать глаз? Застыренные, туго облегающие бёдра джинсы или бесстыдная открытость живота и голого пупка?

Завоевание любимого человека требует постоянного духовного совершенствования. Но и одежда совсем не мелочь, особенно для девушек, когда она подчёркивает женственность, мягкость, скромность, — то, что является извечно женским. Как девушка выглядит, какая у неё причёска, манера поведения, улыбка — вот что является действительной силой слабого пола. А если говорить о женственности, то она не выигрывает от того, что девушка ходит полуобнажённой. Напротив, этим она снимает с себя завесу тайны и интимности, утрачивает свойства природного магнетизма.

А что думают об этом сами юноши-студенты? Вот молодой человек, студент-историк. Стоим мы с ним, обсуждаем тему курсовой работы. Вдруг он поворачивает голову в сторону идущей девушки. Ну, думаю, засмотрелся... А девушка и впрямь красавица: высокая блондинка, ярко окрашенная, будто фотомодель с рекламного плаката.

— Что, — спрашиваю в шутку, — влюбился бы в такую?

Парень замялся:

— Нет, мне нравятся девушки другого типа, женственные, скромные, а эта «сексапильная».

— Но извини, может, она и есть скромная, женственная...

Ответ парня меня поразил своей категоричностью:

— В таком одеянии совестливые девушки не ходят в храм науки.

Что и говорить, проблем с молодёжью много. Страна в кризисе, значит, и жизнь молодых не безоблачна. Но посмотрите вокруг — и вы выхватите из толпы людей девушку, пьющую пиво прямо из бутылки. Что это — тоже мода? В какой-то степени — да. Они с лёгкостью перенимают модели поведения у поп-звёзд, заражаются от них вредными привычками и, как доказано наукой, быстрее, чем они предполагают. Произошло притупление чувства тревоги по поводу себя, своего будущего материнства. Сегодня пиво, а завтра...

Искушение века

Совсем недавно меня потрясла жуткая картина. Две девушки, по всему — студентки, во дворе вуза деловито вкалывали друг другу дозу наркотика. Что это — результат плохого воспитания или «искушение века»? Или соблазн последовать примеру других: «все колются — и мы попробуем». А подумали ли они, уже достаточно зрелые, что это мина, которая ждёт своего часа и рано или поздно взорвётся? Или они настолько наивны, что не подумали: употребление наркотиков обернётся страшной трагедией для них как женщин, способных нести в себе новую жизнь?

Что-то, видно, здорово сдвинулось в нашем обществе, коль формируется ущербная женская личность, махнувшая рукой на всякие «выдумки» о женственности и материнстве.

Есть ли надежда на нравственное выздоровление? Мне хочется верить, что есть. Самовоспитание может всё. В нём, если захотеть, можно найти силы и веру в самих себя, не отрекаясь от женского счастья, любви и материнства, даруемых природой. **НО**